

УДК: 801. 6 (575. 2) (04)

АФОРИЗМ СААДИ И МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ
(Об адресате и гипотетической реконструкции
стихотворения «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...»)

Г. У. Соронкулов

Национальная академия наук Кыргызской Республики
soronkulov52@mail.ru

В статье идёт речь о стихотворении «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...», написанном А.С. Пушкиным в 1829 году, и которое позже в «усечённом» виде получило название «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Цель работы состоит в том, чтобы доказать, что адресатом первого – чернового – варианта стихотворения является М.Н. Волконская, что одна из его строк служит «паролем» для той, кому оно посвящено. Автором приводится целый ряд фактов, подтверждающих выдвинутое предположение. В статье осуществлена гипотетическая реконструкция стихотворения.

Строка М. Саади, преображённая великим поэтом России, навсегда сочеталась в его духовном мире с памятью о любимой женщине и близких ей людях, позволяя нам приблизиться к воссозданию вероятного истинного облика «утаённого» шедевра пушкинской лирики.

Ключевые слова: афоризм, стихотворение, текстология, Мария Волконская, пароль, Саади, адресат, шедевр, элегия.

Сам Пушкин при жизни дважды опубликовал этот свой шедевр и оба раза сопроводил его подзаголовком: «Отрывок».

У стихотворения «На холмах Грузии...» долгая «комментаторская» судьба. Читатели, а затем и специалисты уже более полутора столетий спорят о том, кому посвящены эти прекрасные строки о любви: М.Н. Волконской, В.Ф. Вяземской или Н.Н. Гончаровой?

Напомним текст стихотворения:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой ... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может. [1, т. III, с. 158]*

Это стихотворение современный читатель воспринимает как завершённое, однако первоначально оно было частью замечательного стихотворения о любви, состоявшего из шестнадцати строк. В «усечённом» виде, каким мы его знаем ныне, оно могло восприниматься – и

воспринималось многими – как посвящение невесте поэта, на чем, собственно, настаивал и сам Пушкин в разговоре со знакомыми. Однако вторая часть стихотворения, оставшаяся в рукописях, была не столь нейтральной и давала много пищи для предположений проницательных читателей об истинном адресате. Тем более, как мы считаем, одна строка – своеобразный сигнал, кому первоначально было посвящено стихотворение.

Ряд фактов свидетельствует о том, что мысли Пушкина в двадцатые годы продолжительное время были заняты М.Н. Волконской:

1. Конец 1828 года был ознаменован завершением поэмы «Полтава». Благодаря разысканиям пушкинистов и, в первую очередь, огромной текстологической работе, осуществленной П.Е. Щеголевым по исследованию автографа «Посвящения» к поэме, почти безусловно доказано, что «Полтава» посвящена М.Н. Волконской [2, с. 95-109]. Уже через три месяца, незадолго перед поездкой в действующую армию на Кавказ, Пушкин, по просьбе генерала Раевского-старшего, написал поэтическую эпитафию на надгробие младенца – сына М.Н. Волконской.

*В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.* [1, т. III, с. 95]
(«Эпитафия младенцу», 1828 г.)

Поэт сумел здесь тонко трансформировать профессиональную – христианскую – формулу "изгнание земное", ставшую в пушкинском контексте и поэтическим напоминанием об участии декабристов.

Нам представляется, что предельно содержательная синонимичность понятий *твоя печальная пустыня* из «Посвящения» к «Полтаве» и *изгнание земное* – это есть еще одно дополнительное подтверждение того, что «Полтава» посвящена именно М.Н. Волконской.

2. А.С. Пушкин побывал на Кавказе дважды. Оба путешествия (в 1820 году – с семьей генерала Раевского на Северный Кавказ; в 1829 году – в Закавказье, в действующую армию) проходили почти в одни и те же майские дни. Значительную часть пути поэт во время второй поездки повторил. Весенний пейзаж был узнаваем и, конечно, навевал воспоминания.

В майский вечер 1829 года и был написан черновой вариант стихотворения, представленный в Большом академическом собрании сочинений Пушкина:

*Всё тихо – на Кавказ идет ночная мгла
Восходят звезды надо мною
Мне грустно и легко – печаль моя светла
Печаль моя полна тобою*

*Тобой, одной тобой – унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит
И сердце вновь горит и любит от того
Что не любить оно не может.*

*Прошли за днями дни – сокрылось много лет
Где вы, бесценные созданья
Иные далеко иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.*

*Я твой по прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний [1, т. III, ч. 2, с. 722-723]*

3. Среди главных целей путешествия А.С. Пушкина на Кавказ в 1829 году была и надежда встретиться со своим другом Николаем Раевским-младшим, братом М.Н. Волконской, а также желание увидеться с некоторыми знакомыми декабристами, разжалованными в солдаты и сосланными в действующую армию.

4. Первый вариант стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» начинался, как мы указывали выше, строками:

*Все тихо – на Кавказ идёт ночная мгла
Восходят звезды надо мною...*

Пушкинистами высказывалось предположение, что первую строку автор переделал для того, чтобы отвести всякий намек «на личности». Ведь он был с Раевскими на Северном Кавказе, но не был в Грузии! [3, с. 94-95].

5. И наконец, весьма значимый аргумент в пользу того, кому в действительности посвящено стихотворение, заключается, на наш взгляд, в реакции самого адресата на стихи «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».

Это стихотворение прислала М.Н. Волконской княгиня В.Ф. Вяземская, сопроводив его письмом, написанным в особых обстоятельствах. Вяземская уже с конца апреля 1830 г. знала о том, что Пушкин помолвлен с Натальей Гончаровой. Поэт сам известил ее об этом письмом, в котором просил ее быть его «посажённой матерью» [1, т. XIV, с. 87]. «В этих условиях, – замечал академик М.П. Алексеев, – В.Ф. Вяземская едва ли могла в своем сопроводительном письме М.Н. Волконской назвать адресатом элегии кого-либо другого, кроме невесты поэта – Наталии Николаевны» [4, с. 43-44].

Но М.Н. Волконская, получив в Сибири стихотворение Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» с указанием на то, что оно обращено к юной невесте поэта, судя по всему, сразу поняла, кому оно адресовано на самом деле. Именно поэтому «...Волконская, видимо, почувствовала, что

эти строфы обращены к ней, и отвечала Вяземской необычным критическим замечанием...» [5, с. 100]. В ответном письме к В.Ф. Вяземской от 19 октября 1830 года, а затем и в письме к З.А. Волконской она каждое упоминание о стихотворении с форсированной настойчивостью связывает с именем невесты поэта – Н.Н. Гончаровой. Остаётся отдать должное умному изяществу, с каким молодая женщина прячет свою досаду: «...Окончание (стихотворения. – Г.С.), извините меня, милая Вера, за вашего приемного сына, – это окончание старого французского мадригала, это любовный вздор...». Поражает пронизательность строк ее письма: «...В первых двух стихах поэт пробует свой голос. Извлекаемые им звуки, нет сомнения, очень гармоничны, но не имеют отношения к дальнейшим мыслям...» [3, с. 130].

Удивительная пронизательность М.Н. Волконской имеет своё объяснение. Рисуем предположить, что, по-видимому, первоначальный полный вариант попал к ней раньше, чем усечённый, присланный В.Ф. Вяземской. Полный вариант, написанный поэтом по пути, ей мог выслать брат Николай Раевский, с которым поэт был неразлучен на Кавказе. Именно с ним Пушкин всегда обсуждал литературные проблемы. Он был не только другом и наперником поэта, но нередко и первым слушателем.

Недаром за три дня до отъезда А.С. Пушкина на Кавказ Ек. Н. Орлова пишет брату Николаю Раевскому в Тифлис: «...Пушкин <...>, конечно, привезёт тебе литературные новинки, поэтому я ничего не посылаю тебе в этом роде, тем более что ты даже не поблагодарил меня за то, что я тебе посылала раньше» [6, с. 238].

В контексте нашего рассуждения весьма важна не только полнейшая уверенность автора письма в том, что Пушкин обязательно привезёт брату свои последние произведения, но и свидетельство того, что члены этой семьи внимательно следили за творчеством своего гениального друга и всегда обменивались в письмах ставшими им известными стихами поэта.

28 сентября 1829 года датируется письмо М.Н. Волконской из Сибири брату Николаю. Она пишет: «**В моем положении никогда нельзя быть уверенной, что доставишь удовольствие напоминая о себе** (выделено мной. – Г.С.). Тем не менее скажи обо мне А<лександр> С<ергеевичу>. Поручаю тебе повторить ему мою признательность за эпитафию Николино. Слова утешения материнскому горю, которые он смог найти, – выражение его таланта и умения чувствовать» [3, с. 129].

В ответном письме «во глубину сибирских руд» молодой генерал, конечно, сообщил сестре о том, что Пушкин был на кавказской войне и прожил месяц с небольшим в его палатке. Любящий брат в ответ на выделенную нами пессимистическую фразу из письма сестры не мог не

попытаться утешить ее, убедив в том, что Пушкин помнит о ней. Это тем более вероятно, что незадолго до того, 16 сентября 1829 года, умер их отец, генерал Н.Н. Раевский. К своему ответу Николай Раевский-младший, очевидно, приложил и стихи, свидетельствующие о сердечной памяти поэта. Другого объяснения необычайной пронизательности, умной ироничности письма М.Н. Волконской к В.Ф. Вяземской (и его «несколько резковатого, раздраженного тона», по словам Т.Г. Цявловской) [7, с. 68], скорее всего, нет.

Выше мы высказали предположение о том, что одна из строк неопубликованного при жизни поэта стихотворения «Все тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...» могла служить сигналом для той, кому оно посвящено. Говоря так, мы имели в виду поэтическую формулу одного из наиболее почитаемых Пушкиным восточных классиков, которую великий русский поэт, чуть видоизменяя, использует здесь: *...Иные далеко, иных уж в мире нет...* Напомним, что эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкин выбрал ставший впоследствии знаменитым афоризм Саади: *Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече* [1, т. IV, с. 153].

Заметим, что в литературоведении порой предпринимались попытки доказать, будто у Пушкина нет ничего «чужого», всё без исключений только «своё». Так, К.Н. Григорьян утверждал, что «пушкинская строка "Иных уж нет, а те далече..." не является переводом или заимствованием из Саади, несмотря на упоминание Пушкиным имени персидского поэта». Далее высказывается предположение: «Возможно, ссылка на Саади была вызвана цензурными мотивами. Слова "Иных уж нет, а те далече" тогда легко могли быть отнесены к декабристам, близким друзьям поэта» [10, с. 138-140].

Думается, в данном случае ученый упустил из виду, что первое использование Пушкиным строки из Саади состоялось ещё за полтора года до восстания декабристов, то есть уже в первом издании поэмы «Бахчисарайский фонтан», которой автор предпослал знаменитый эпиграф и которая, как известно, вышла в свет 10 марта 1824 года, а начата была не позднее апреля 1823 года.

Можно согласиться с К.Н. Григорьяном в другом: афоризм Саади поэтически преобразен и обогащен Пушкиным: «Если даже предположить, что пушкинская строка является откликом на слова Саади, то они в такой степени переосмыслены в характерной пушкинскому стилю прозрачной поэтической форме, что звучат как органически пушкинские. Сама мысль проста, <...>, но эта мысль могла быть выражена так только Пушкиным» [8, с. 140].

Какие же факты дают нам основания говорить о том, что сентенция Саади могла быть подсказкой, своего рода паролем для тайного пушкинского адресата – для М.Н. Волконской?

Если согласиться с основательно аргументированным мнением пушкинистов о том, что *Татьяны милый идеал* образован с Марии Раевской [7, с. 57-58], то вырисовывается следующая закономерность: полюбившуюся фразу из Саади А.С. Пушкин использовал в различных вариациях трижды, и все три раза – в произведениях, к которым так или иначе причастна М.Н. Волконская («Бахчисарайский фонтан», «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...», «Евгений Онегин»).

Н.В. Измайлов отмечал: «Сентенция Саади, полюбившаяся и запомнившаяся Пушкину, **позднее была повторена с особым, понятным лишь для посвященных, значением воспоминания** (Выделено нами. – Г.С.) о друзьях-декабристах, в заключительной строфе его любимого творения:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал,*

*Без них Онегин дорисован...
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!* [2, с. 161].

Подчеркнутая нами мысль учёного, думается, подтверждает то, что фраза из Саади могла быть использована Пушкиным в качестве своеобразного пароля в заочном поэтическом общении с М.Н. Волконской. Не вступая в полемику с устоявшимся в советской пушкинистике взглядом на приведенные строки из «Евгения Онегина» единственно как на обращение к друзьям-декабристам, мы решились бы предположить, что завершающая строфа «Евгения Онегина» носит всё же больше собственно лирический, нежели политический оттенок. Во всяком случае одним из первых, кому *в дружной встрече* Пушкин *строфы первые читал*, был Н.Н. Раевский, который в конце 1823 года приезжал в Одессу.

Зная о том, что в большой и дружной семье Раевских было неременное правило делиться литературными новинками, Пушкин был уверен, что *бесценные созданья* – сестры Раевские – конечно же, с первых дней следили за ходом его работы над романом в стихах. Возможно, еще в 1820 году в Крыму поэт делился с ними своими планами по поводу этого произведения. Сказанное позволяет включить в число тех, без кого *Онегин дорисован*, и сестер Раевских, а в первую очередь – М.Н. Волконскую.

В пользу нашего предположения о более лирическом, чем политическом, характере концовки «Евгения Онегина» свидетельствуют и последние его строки:

*Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл Её романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.* [1, т. VI, с. 190]

Эти полные светлой печали слова и первая часть высказывания Саади «Иных уж нет...», скорее всего, обращены и к А.А. Дельвигу, скончавшемуся незадолго до завершения Пушкиным своего романа. Дельвиг был одним из тех, кто *строфы первые читал*. В письмах к другу он не раз упоминал о своём интересе к «Евгению Онегину».

Мы уже отмечали, что с именем М.Н. Волконской, скорее всего, связаны все три случая использования Пушкиным строки Саади. Судя по всему, именно она стояла у истоков возникновения замысла и создания «Бахчисарайского фонтана», о чём в свое время высказал предположение П.Е. Щеголев [9, с. 150-154]. Его аргументы подробно и сочувственно изложил автор первой книги, посвященной поэме «Бахчисарайский фонтан», В.А. Мануйлов («...Младшая – Мария – была глубокой и утаённой любовью Пушкина»), хотя и сделал оговорку: «...Мы не можем ещё считать окончательно решённым вопрос о "таврической любви" Пушкина» [10, с. 10-13].

Вовсе не случайным представляется нам и то, что Пушкин именно в данном, конкретно адресованном стихотворении «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...» чуть переставил акценты в высказывании Саади, придав ему более оптимистическое звучание. Здесь на первый план поэтом выдвинуто слово, обращённое к живому, но далекому адресату: «*Иные далеко, иных уж в мире нет*».

В двух других случаях акцент, как мы помним, иной:

Иных уж нет, другие странствуют далече;

Иных уж нет, а те – далече.

Вслед за С.М. Бонди, осуществившим глубокий текстологический анализ стихотворения, о котором мы ведём речь, считаем, что будет справедливым в собраниях сочинений поэта среди текстов 1829 года перед безусловным шедевром «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» помещать не менее прекрасное произведение «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...» [11, с. 24].

Здесь же выскажем своё отношение к его мысли о том, что третья строфа, начинающаяся словами *Прошли за днями дни. Сокрылось много*

лет..., выпадает по содержанию из общего смысла и что поэтому её нужно исключить из канонического варианта. На наш взгляд, место этой строфы – в конце стихотворения. Именно тогда оно обретает законченность.

На каких основаниях зиждется наше предположение?

Во-первых, то, что данная строфа была зачёркнута Пушкиным в процессе работы над текстом, отнюдь не означает отказа автора от неё. Как убедительно показал сам С.М. Бонди в другой публикации, работа над строфой была приостановлена временно, потому что поэт не сразу нашёл заключительную, четвёртую строку. И лишь закончив стихотворение, «в конце рукописи, после четвёртой строфы», он делает «неожиданную запись – изолированную строку: «*Со мной одни воспоминанья <...>*» [11, с. 168].

Во-вторых, известные нам пушкинские вариации афоризма Саади неизменно занимают в произведениях русского поэта особо значимое, ударное место; говоря языком современной лингвистики, они стоят «в сильной позиции». В «Бахчисарайском фонтане» – это эпитафия. В «Евгении Онегине» – это финал романа. Закономерно, что и строфа стихотворения «*Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...*», также заключающая в себе реминисценцию из Саади – *Иные далеко, иных уж в мире нет...*, скорее всего, в окончательном варианте также заняла бы оптимально «сильную» позицию – стала бы концовкой поэтического шедевра.

В-третьих, такое завершение соответствует особенностям элегии как лирического жанра и своеобразию развития его в творчестве Пушкина. Строфа, начинавшаяся словами *Прошли за днями дни. Сокрылось много лет...* и завершавшаяся строкой *Со мной одни воспоминанья*, идеально заключает пушкинское стихотворение именно как элегию – не только любимый, но и решительно отстаиваемый Пушкиным жанр.

В то же время подобная концовка акцентирует своеобразность художественного развития жанра элегии Пушкиным. Здесь синтезировались мотивы и поэтика элегии любовной и элегии философской. А преображённый Пушкиным афоризм Саади – *Иные далеко, иных уж в мире нет...* – в обстановке конца 1820-х – начала 1830-х годов, как мы уже убедились, неизбежно вызывал ассоциации политические. Известно, что Пушкин творчески развивал тот «поджанр», который современные исследователи определяют как «политическую элегию» [12, с. 32].

Приводим реконструируемый нами текст пушкинского стихотворения:

*Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.*

*Мне грустно и легко. Печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою.*

*Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.*

*Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья...*

Итак, согласно привлекаемым в настоящей статье фактическим материалам и развиваемым на их основе соображениям, напрашивается следующий вывод. Строка одного из величайших поэтов Востока, преображенная вдохновением величайшего поэта России, навсегда сочеталась в его духовном мире с памятью о любимой женщине и близких ей людях. А нам она позволяет приблизиться к воссозданию вероятного истинного облика «утаённого» шедевра пушкинской лирики, ибо естественно замыкает его стройную композицию и содействует углублению в его художественный смысл.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. (Справочный том. [М.; Л.], 1959)
2. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 95-109
3. Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. Т. 2. Сост. биограф. очерки и прим. В.В. Кунина. М.: Правда, 1984. С. 94-95.
4. Алексеев М.П. Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» // Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л.: Наука, 1966. С. 43-44.
5. Гроссман Л.П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3. М.-Л.: Наука, 1960. С. 49-100.
6. Мазур Т.П., Малов Н.Н. Новые материалы о Пушкине // Прометей. Т. 10. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 237-240.
7. Прометей. Т. 10. М.: Молодая гвардия, 1966. 425 с.
8. Григорьян К.Н. Пушкинская элегия (национальные истоки, предшественники, эволюция). Л.: Наука, 1990. С. 138-140.
9. Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.: ГИХЛ, 1931. С. 150-254.
10. Мануйлов В.А. «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина. Л.: Пушкинское общество, 1937. С. 10-13.
11. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930-1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. 231 с.
12. Русская элегия XVIII-начала XX века. Л.: Сов. писатель, 1991. 640 с.